



Цикл
Германа Романова

ЦУСИМА

Цусима. Горе побеждённым

Цусима. Помни войну

Цусима. Не та война

Герман Романов

ЦУСИМА НЕ ТА ВОЙНА

Ленинград
издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р69

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 301

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Романов, Герман Иванович

Р69 Цусима. Не та война : роман / Герман Романов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-192708-0

Русско-японская война не закончилась сражением в Цусимском проливе — не случилось поражения 2-й Тихоокеанской эскадры. Наоборот, благодаря адмиралу Фелькерзаму, достигнут определенный успех, и русские корабли прорвались во Владивосток. Заключенное перемирие, вместо «позорного мира» в Портсмуте, оказалось коротким и позволило недоброжелателям России собраться с силами, заново вооружить Японию, привлечь дополнительную помощь. А как иначе — слишком большие деньги вложены в Страну восходящего солнца, капитал должен приносить Сити неплохую прибыль, а не значительные убытки. А в такой ситуации война обязательно начнется снова. Во главе Тихоокеанского флота вице-адмирал Небогатов. И у него есть тетради, а в них записи о будущих временах — тут поневоле задумаешься, особенно, когда «маленькая колониальная война» превращается в «большую», способную опалить своим пожаром весь мир...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-192708-0

© Герман Романов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть первая ЦУСИМСКИЙ КРЕСТ

Глава I

Май–июнь 1906 года

— Сандро, если бы не покойный адмирал Фелькерзам, мы бы эту войну профукали, в чем я нисколько не сомневаюсь!

Наместник его императорского величества на Дальнем Востоке и Главнокомандующий сухопутными и морскими силами, великий князь Николай Николаевич затейливо выругался. Да так, что его собеседник в черном морском кителе только задумчиво покачал головой на такой «загиб» — двоюродный брат, даром что кавалерист, но ругался как заправский боцманмат, только с «лошадиным привкусом».

— На него смотреть было страшно, а находиться вблизи жутко. Запашок от Дмитрия Густавовича шел непереносимый, заживо сгнил. Но до последнего цеплялся, не ради жизни, давно умер телом, находился на флагман-

ском «Наварине» токмо для победы. И умер с улыбкой, когда «Микаса» взорвался и вместе с адмиралом Того на дно пошел — осколками изрешетило.

— Я вчера смотрел его фотографическую карточку, Николаша, — великий князь Александр Михайлович, пожав плечами, заметил гримасу, что промелькнула на лице Николая Николаевича. В его глазах мелькал затаенный страх — никому ведь не хочется такое пережить, чувствуя каждый день, как разлагается и смердит собственное тело. Тут остается только истово перекреститься и пробормотать молитву — «да минет меня чаша сия».

— Хорошо, что успел проститься с адмиралом. Жаль, со времен Нахимова флотоводца у нас нет. А те, что имелись, оба погибли, что Степан Осипович, что Дмитрий Густавович. Так тебе скажу: если бы не прорыв эскадры во Владивосток, армия бы с места не тронулась. Генералы и офицеры в полном унынии пребывали, а тут победа, что всех разом встряхнула. И не только армию — империю целиком. Я ведь на поезде ехал через всю Сибирь — видел, что в городах и на станциях творилось. И этими крестами ему обязан — грешно было не сокрушить японцев, имея вдвое больше батальонов.

Николай Николаевич фыркнул, прикоснувшись пальцами к большому белому кресту, лента с которым была повязана на шее. Моряк

только завистливо глянул на вожаки для любого военного награды. Полным георгиевским кавалером стал двоюродный брат, а таковых до него в русской императорской армии только четверо было, все фельдмаршалы, герои войны 1812 года — Кутузов, Барклай де Толли, Паскевич и Дибич.

И ведь сам заслужил, никаких разговоров о «породе» даже среди придворных не ходило, все понимали, что волевой и решительный «августейшей» наместник буквально заставил вверенные ему маньчжурские армии воевать по-настоящему. И дивизии, вдохновленные подвигами моряков, двинулись вперед, показав всем европейцам, то их разговоры о «паровом катке» и «казацких полчищах» отнюдь не пустой звук.

Четыре сотни полнокровных русских батальонов просто смели двести потрепанных неприятельских. Перевес в коннице оказался подавляющим — на один вражеский эскадрон приходилось полдюжины казачьих сотен, это, не считая регулярной кавалерии и приданных всем полкам инфантерии конно-охотничьих команд. Преследование разбитых японских армий велось живо и неотступно, по завету Суворова насчет «вырубаемого леса». Отстающие или рассеянные роты и даже целые полки недавних «победителей» под Тюренченом, Порт-Артуром, Вафангоу, Ляояном и Мукденом

безжалостно истреблялись острыми пиками и шашками — недаром командовавший забайкальскими казаками генерал-лейтенант Павел Карлович Ренненкампф получил прозвище «желтая смерть» из-за цвета лампас.

И досталась вся слава победителю, а ему, опоздавшему на войну, только зависть, которую приходилось тщательно скрывать. Ничего тут не поделаешь, когда у тебя нет ни подвигов, ни побед! А тут все по заслугам, и ничего сверх них, что для империи необычно!

Великий князь Николай Николаевич всю свою жизнь посвятил армии, окончил академию Генерального Штаба, десять последних лет занимал пост генерал-инспектора кавалерии. Боевой опыт приличный, полученный в войне с турками еще в 1878 году, тогда его наградили золотым оружием «за храбрость» и маленьким беленьким крестиком. А вот 3-ю степень ордена получил чуть ли не сразу же, стоило прибыть в далекую Маньчжурию... За прорыв оборонительных сыпингайских позиций в нескольких местах, по которым ударили сразу три армии. А вот большой крест уже был наградой за победное Мукденское сражение, когда всем стало ясно, что японцам теперь не устоять, слишком большим оказался перевес в силах над ними и велики потери — одних пленных низкорослых солдатиков насчитали двенадцать тысяч.

Золотое оружие с бриллиантами и надписью: «За отбитие Порт-Артура у неприятеля» стало достойной наградой не только за освобождение Квантунской области — японцы тогда не успели увести из Порт-Артура затопленные там корабли 1-й Тихоокеанской эскадры. Броненосец «Пересвет» и броненосный крейсер «Баян» они уже подняли, заделав пробоины, вот только времени просто не хватило — победа русской эскадры у Гензана и появление крейсеров у далеких берегов Квантуна сорвали самураям далеко идущие планы. А там подоспели сибирские стрелки с казаками и отбили корабли, недолго побывшие японскими трофеями.

Так что немислимого позора — видеть русские корабли под флагом Страны восходящего солнца — не случилось. И то ладно — слава богу, хватит «Решительного», что достался японцам в Чифу и уже под вражеским флагом был потоплен в Цусимском бою ровно год тому назад!

Правда, есть еще ложка пресловутого дегтя — в Чемульпо японцы подняли и увели на буксире затопленный там крейсер «Варяг». На переговорах русская сторона категорически потребовала возвращения крейсера, и теперь его ремонтируют узкоглазые в счет будущих репараций, согласно условиям мира, о которых договорились в далеком Портсмуте,

где посредником выступил сам президент САСШ Теодор Рузвельт.

Ничего, отдадут крейсер и территории как миленькие, армию свою сократят, выплаты произведут, ничего здесь им не поделать. Войну ведь проиграли, а тут действует древний принцип: горе побежденным!

— Ты не смотри так на мои кресты, Сандро, — усмехнулся Николай Николаевич, вот только глаза его сузились, делая лицо отдаленно похожим на азиата. — Свои получишь, когда над японским флотом победу одержишь. Думаю, соблюдать мирные договоренности самураи не станут, народ они злой и упрямый, а навязанный мир им хуже горшечного поражения. Считаю, что пошли они на него, чтобы флот свой восстановить, новыми кораблями его усилить. Потому Небогатова в столицу не отозвали — он мне здесь нужен. Ты уж прости, но это единственный наш адмирал, что победы одерживал...

— Ты думаешь, что японцы снова нападут? А как же договор?

— Пусть на него этот пройдоха Витте уповаает, а мы с тобою люди служивые! «Касима» и «Катори» на переходе, уже к Сингапуру подходят. Ты думаешь, что англичане просто так им еще парочку «чилийцев» продали, кредит на то выделив, да еще несколько крейсеров уступив? И нам руки Лондон выкручивал,

в Вэйхайвэй эскадру приведя для устрашения. Нет, все непросто так, только в Петербурге ничего не понимают, урок им не впрок пошел. Или не хотят понимать, что японцы лихорадочно готовятся к реваншу. Думаю, в октябре нападут — у них первые сроки выплат подходят, и Фузан должны Коджону отдать. А денег в казне нет, страна в долгах как в шелках. Новая война единственный выход, и на этот раз она пойдет иначе.

— Пожалуй, ты прав, Николаша — в каюткампаниях броненосцев о том разговоры идут. Но время еще есть, все лето впереди...

Глава 2

— Поверь мне, но скоро «Дредноут» станет именем нарицательным — против «первенца» нашего Джекки ни один броненосец не выстоит. А когда у нас будут эскадры из таких кораблей, наше полное господство на морях уже никто не сможет оспорить. Никто и никогда, мой *молодой друг*. Мир принадлежит нам, и это сомнению не подлежит, чтобы на этот счет не думали в Петербурге или Берлине. А мнение бывших колонистов вообще не интересует — придет время, и они опять станут служить нашим интересам.

Дым от кубинской сигары поднимался к потолку, прямо к отдушине, уходя туда сизой

струйкой. Каменное здание одного из старинных клубов, помнившее еще времена всевластного лорда-протектора, имело несколько таких кабинетов, где беседовали за сигарой и бокалом выдержанного бренди два джентльмена. Столь разных людей нельзя было представить дружески беседующими, ибо они принадлежали к враждующим в политической борьбе партиям. Тори и виги давно были высмеяны одним из знаменитых писателей «седой старины», хотя тот не сказал о себе главное, *по-таенное*. Ведь он сам принадлежал к одному из таких закрытых аристократических клубов, которые в политике Англии играли значительную роль, куда большую, чем дельцы Сити, масонские ложи или парламентские горлопаны.

Они были так не похожи друг на друга, эти два джентльмена, и кроме политических пристрастий их разделяла глубочайшая возрастная пропасть — один намного старше другого. К тому же старик являлся заслуженным моряком, с адмиральскими нашивками, прошедшим все океаны и долгое время бывшим «их лордством» в Адмиралтействе. А его собеседник — кавалерист, едва дослужившийся до лейтенанта в бурской кампании и бывший до этого газетным репортером. Но сейчас уже пребывавший на значительном посту в министерстве по делам колоний.

Да и пристрастия у них были разными — тридцатидвухлетнему *молодому другу* нравились житейские радости, которыми тот предавался, а седовласый лорд еле ходил, постоянно опираясь на трость даже во время выступления на парламентских дебатах. Дело в том, что полвека тому назад он получил при взятии одного затерянного на Тихом океане русского городка пулю в ногу, что навсегда сделало его хромым. Зато навсегда запомнил, кому обязан инвалидностью, а память у отставного адмирала была цепкая.

Однако между ними имелось гораздо больше схожего, что и объединяет таких людей в клубы, играющие огромную роль в той жизни *старой и доброй Англии*, что для других остается тайной за семью печатями. И первое, что сразу отличало их от других — благородное происхождение. Пожилой был уже четырнадцатым графом, а более молодой коллега имел отношение к аристократическому роду, увенчанному короной герцогов, знаменитого рода, прославленного своими воителями.

Именно готовность с оружием в руках защищать самую обширную империю мира, раздвигая ее пределы на все континенты, не только объединяла, она сплачивала одноклубников на многие десятилетия, а идею Великой Британии — на века. И все они прошли этот путь доблестно, сражаясь за «вечные

интересы» Англии везде, где только всходило солнце. И сейчас, отхлебывая бренди и покуривая сигары, они обсуждали темы, которые вроде бы относились исключительно к компетенции Форин-офиса, министерства по иностранным делам. Но таковы английские традиции — все, что сказано в клубах, имеет гораздо большее значение, чем дебаты в палате общин. Которые, кстати, и ведут парламентарии, но только после того, как произошло обсуждение *нужных тем* вот в таких аристократических клубах в табачном дыму неспешной беседы, между понимающими *изнанку событий* джентльменами.

— Потому скажу вам, *юноша*, следующее: Королевскому флоту броненосцы не нужны, хотя не спорю, что они стоят немалых денег. Дело в том, что многие из них списаны, хотя о том пока никто не догадывается, корабли вроде бы новые. Однако придут на их место эскадры *дредноутов*, а содержание огромного флота *уже сегодня устаревших* кораблей слишком расточительно. Наши восточные друзья потерпели поражение именно на море, а у русских огромная сухопутная армия, слишком сильная, чтобы ее недооценивать. Но теперь все пойдет по-другому — заключенный мир позволил подготовиться японцам гораздо лучше к новой войне, которая принесет им и нам, мой молодой друг, чего скрывать, гораз-

до лучший мирный договор с русскими. Ведь недаром в Риме говорили... Вот же — вылетело из головы!

— Si vis pacem, para bellum, — негромко произнес на латыни собеседник, и старик благосклонно ему кивнул седой головой:

— Да, именно так — хочешь мира, готовься к войне. Так что нам необходимо, чтобы японцы как можно скорее подготовились к этой войне, для которой им очень нужны наши броненосцы и крейсера. Не давать же им кредит на самом деле, чтобы они сами себе построили корабли. То дело долгое, к тому же нашим фунтам лучше здесь и остаться — в долг проще записать. Однако война должна начаться уже этим летом, лучше в июле, и будет совсем неплохо, если в самом начале месяца. Хотя, скажу вам откровенно, сдерживать наших низкорослых союзников не будем, если они нападут прямо сейчас.

— Я понимаю, сэр, но не проще ли было передать действительно устаревшие корабли, которые отслужили по десять-пятнадцать лет?

— Проще? Возможно и так, но у японцев слишком мало настоящих моряков, а потому для них важнее получить *стоящие* броненосцы и крейсера. На которые хватит подготовленных команд, и сами корабли ни в чем не уступают русским. Таковые у нас есть, и много, и передача их, как видите, прошла